

* * *

Знаешь просто, что всё так непросто –
будь уверенным или робей...
И неправильный польский подросток
подмигнёт, усмехнувшись, тебе.

Здесь ведь многое, правда, неважно –
Лагутенко был полностью прав.
В этом мире, кроваво-мультишном,
дефицит осязаемый добра.

Время пресно, как блюдо без соли,
но при этом опасно – капкан!
То сжимает оно, то мусолит,
то с размаху даёт по губам.

В данной плоскости правила строги –
понимаешь не хуже меня,
и чревато нам долго быть в грогге:
ведь чуть что – будут нас обвинять.

Подниматься! Тут вспомнишь барона –
да, Мюнхгаузена: что ж, встаём,
держим словом мы здесь оборону –
за избыток прости – день за днём.

* * *

И ни штыком, и ни прикладом
меня добьют – в другой войне,
в которой будут те, кто рядом.
Больнее так вдвойне, втройне.

Накладываю швы, заплаты –
так и живу который год,
и кажется всем тем, кто рядом,
что – «ничего, переживёт».

Наверное, быть лучше – гадом,
сместить всех правил полюса,
чтоб спохватились те, кто рядом,
чтоб сразу принялись спасать.

Догадки это лишь. Набатом:
«Больнее так вдвойне, втройне».
Надеюсь я, что те, кто рядом,
хотя бы крест поставят мне.

* * *

Винил настолько входит в моду,
что скоро выйдет из неё.
Как я живу? Проходят годы,
но сам себя не узнаешь.

Поставить бы пластинку, что ли,
через щелчки и через треск
услышать бы себя – без боли,
без жалобы, что жить – в обрез.

Послушать, после – удивиться,
что это вправду голос мой,
не оцифрован, как страница
бумажной книги дорогой.

И сам пока не оцифрован,
и не переведён в формат,
своим пульсирующим словом –
и только им – ещё богат.

* * *

Птичка-умничка пела,
а сейчас не поёт.
Недостойно, несмело
завершается год.

На каком подзаряде
я просуществовал,
время даром потратил
на дурной карнавал?

Бунтовать бы да биться,
сам покуда живой
и чего-то добиться,
только вот для чего?

Ничего, понемногу
возвращаться к себе
нужно, снова дорогу
выбирать, не робеть.

...На год план, если вкратце:
умирать – не пройдёт,
нужно птичку дожидаться
с новой песней её.